

Эрве Базен

ЗМЕЯ В КУЛАКЕ

Книга первая

С Е М Ь Я Р Е З О

О НЕВЫНОСИМОМ ДЕТСТВЕ И ПУТИ К СВОБОДЕ

Fiction
МОСКВА

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б17

Hervé Bazin
Vipère au poing

Перевод с французского *Наталии Немчиновой*

Иллюстрация на обложке *Марины Ларченко*

Базен, Эрве

Б17 Змея в кулаке: роман / Эрве Базен ; [пер. с франц. Н. Немчиновой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 240 с. — (Все счастливые семьи).

ISBN 978-5-389-31255-5

Франция начала XX века. Юный Жан Резо по прозвищу Хватай-Глотай и его старший брат Рохля беззаботно живут в семейной усадьбе под присмотром доброй, всепрощающей бабушки. Но та внезапно умирает, и детской идиллии приходит конец.

Из заграничной командировки возвращаются родители мальчиков. Что можно ожидать от матери, не видевшей сыновей несколько лет? Любви, ласки, нежности? Возможно. Только не от Поль Плювињек. Ведь под ее строгим надзором жизнь детей превращается в сущий ад.

Заручившись поддержкой, Хватай-Глотай объявляет матери войну. Но, питая надежды свергнуть эту змею, он осознает, что сам ужасно похож на нее. Понимает это и она.

Тем искуснее, острее и непредсказуемее будет поединок этих сильных соперников. Поединок, в котором победитель, возможно, пожалеет о своем превосходстве.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-31255-5

© Éditions Grasset & Fasquelle, 1948
© Немчинова Н.И., наследники,
перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

I

Лето, мягкое, но устойчивое в Кранском крае, согревало бронзовые завитки безукоризненно свитой спирали: это тройное кольцо живого браслета пленило бы ювелира, только в нем не было классических сапфировых глаз, потому что гадюка, на мое счастье, спала.

Она спала даже слишком крепко: вероятно, ослабела с годами или утомилась, переваривая лягушек. Геркулес в колыбели, удушающий змей, — вот он, воплотившийся античный миф. Я сделал то, что, очевидно, сделал и он: быстро схватил змею за шею. Да, за шею, и, конечно, совершенно случайно. Словом, произошло маленькое чудо, еще долго служившее предметом душеспасительных бесед в нашем семействе.

Я схватил гадюку за шею, у самой головы, и сжал ее, вот и все. Змея внезапно взвилась, как пружина, выскочившая из корпуса часов — а ведь этот корпус был для моей гадюки жизнью, — отчаянный рефлекс, в первый и в последний раз запоздавший на одно мгновение: она свивалась, извивалась, обвиняла мне руку холодными кольцами, но я не выпускал своей жертвы. К счастью, голова змеи — это треугольник

(подобный символу бога, ее извечного врага), и держится он на тонкой шее, которую легко сдавить рукой. К счастью, шершавая кожа гадюки с сухими чешуйками не обладает защитной скользкостью угря. Я сжимал кулак все крепче, несколько не испугавшись внезапного пробуждения и дикой пляски существа, казавшегося во сне таким мирным, похожим на самую безобидную игрушку, я был даже заинтригован. Я сжимал кулак. Розовый кулачок ребенка может порой сравняться с тисками. И, сжимая кулак, я, чтоб получше рассмотреть змею, придвинул ее голову чуть ли не к самому своему носу, близко, на расстояние лишь нескольких миллиметров, но успокойтесь, этого оказалось достаточно, чтобы гадюка лишилась последней возможности в бешенстве вонзить в меня сочившиеся ядом острые зубы.

И знаете ли, у нее были красивые глаза — не сапфировые, как у змей на браслетах, а из дымчатого топаза с черными точками посередине, глаза, горящие искрами огня, который, как я узнаю впоследствии, зовется ненавистью; подобную ненависть мне доведется увидеть в глазах Психиморы, то есть моей матери, с той лишь разницей, что мне тогда уже не захочется играть (да и то не могу с уверенностью сделать такую оговорку!).

У моей гадюки были крошечные носовые отверстия и удивительная, широко зияющая пасть, похожая на чашечку орхидеи, а из нее высовывалось пресловутое раздвоенное жало — одно острое, нацеленное в Еву, другое в Адама, — знаменитое жало, которое просто-напросто похоже на вилочку для улиток.

Повторяю, я крепко сжимал кулак. Это очень важно. Это было так же очень важно и для змеи. Я сжимал кулак, и жизнь затухала в ней, ослабевала, тело ее повисло в моей руке, как дряблый жезл Моисея. Ясное дело, она еще дергалась, но все реже и реже, изгибаясь сначала спиралью, затем в виде епископского посоха, потом как вопросительный знак. Я все сжимал. И наконец последний вопросительный знак обратился в гладкий, бесповоротно неподвижный восклицательный знак — не трепыхался даже кончик хвоста. Два дымчатых топаза померкли, полуприкрытые лоскутками голубоватой тафты. Змея, моя змея, умерла — вернее сказать, для меня, ребенка, она вернулась к состоянию бронзы, в котором я обнаружил ее несколько минут назад у подножия третьего платана Мостовой аллеи.

Я играл с ней минут двадцать, укладывая ее то так, то этак, тербил, дергал ее безрукое, безногое тело извечного калеки. Змея была мертва, как может быть мертва только змея. Очень скоро она потеряла свой прежний вид, лишилась металлического блеска, стала просто тряпкой. И она показывала мне свое белесое брюшко, которое все животные из осторожности скрывают вплоть до смертного часа или часа любви.

Когда я обвязывал ее вокруг своей лодыжки, зазвонил колокол у ворот «Хвалебного» — детей сзывали к полднику, состоявшему из тартинок с вареньем. В этот день полагалось докончить банки мирабели, немного заплесневевшей за четыре года хранения в буфете, но куда более приемлемой, чем смородиновое желе, которое как-то особенно противно было мазать на хлеб. Я мигом вскочил на свои грязные ноги, не за-

быв захватить с собой гадюку, — на этот раз я держал ее за хвост и очень мило раскачивал ее, как маятник.

Но вдруг мои первые научные размышления оборвал испуганный вопль, и из окна трусливой мадемуазель Эрнестины Лион донеслось до моего слуха исполненное ужаса приказание:

— Бросьте это сейчас же! — И еще более трагический возглас: — О, несчастный ребенок!

Я остановился в замешательстве. Откуда такая драма? Зовут друг друга, перекликаются, бешеный топот каблучков по лестнице. «Мадам! Господин аббат! Сюда! Скорей!» Где же остальные? Отчаянный лай нашей собаки Капи (мы уже прочли «Без семьи»). Звон колокола. Наконец, бабушка, вся белая, как ее батистовое жабо, откидывая носком ботинка подол своего неизменного длинного серого платья, выбежала из парадного. В ту же минуту из библиотеки (правое крыло здания) выскочила тетушка Тереза — графиня Бартоломи (титул, полученный в годы наполеоновской империи), вслед за ней — мой дядя, папский протонотарий, а из бельевой (левое крыло) — гувернантка, кухарка и горничная... Все семейство, все слуги, чада и домочадцы высыпали из бесчисленных дверей дома, словно кролики из большого крольчатника.

Поистине осторожное семейство! Окружив меня плотным кольцом, родные все же держались на почтительном расстоянии от гадюки, которую я вертел за хвост, и это мое движение придавало ей вполне живой вид.

Тетушка Тереза: — Она мертвая?

Горничная: — Мне сдается, это простой уж.

Гувернантка: — Фреди, не подходите!

Глухонемая кухарка: — Кррррхх!

Аббат: — Ну, и задам же я тебе порку!

Бабушка: — Детка, дорогой, брось этот ужас!

Отважный, гордый, я протянул свой трофей дя-
дюшке протонотарию, по профессии своей врагу
любого змия, но сей священнослужитель отскочил
в сторону по крайней мере на метр. Остальные после-
довали его примеру. Однако бабушка оказалась храб-
рее прочих (на то она и бабушка) и, подойдя ко мне,
вдруг ударила лорнетом по моей руке, так что я выр-
нил змею. Гадюка бессильно шлепнулась на крыльцо,
и дядя, расхрабрившись, принялся добивать ее, весь-
ма воинственно попирая змия пятой, подобно архан-
гелу Михаилу, своему небесному патрону.

Как только всякая опасность миновала, четыре
пары женских рук мгновенно раздели меня, четыре
пары женских глаз осмотрели меня с ног до голо-
вы и установили, что я чудесным образом спасся от
ядовитых укусов. На меня живо накинули рубашку,
ибо не пристало отпрыску семейства Резо, даже ма-
лолетнему, стоять нагишом перед слугами. Оторвав-
шись от гадюки, превращенной в месиво, дядя в чер-
ной сутане, грозно размахивая руками, приблизился
ко мне, суровый, как само правосудие.

— Что, укусила она этого дурака мальчишку?

— Нет, Мишель.

— Поблагодарим господу, дорогая матушка.

Вслух прочитаны были «Отче наш», «Богородица»,
мысленно каждый приносил какой-либо обет за чу-
десное мое спасение. Затем папский протонотарий
схватил меня, положил поперек колен и, возведя очи
к небу, методично отшлепал.

II

«Хвалебное». Великолепное название для падших ангелов, для мелкотравчатых мистиков. Однако поспешим пояснить: речь просто-напросто идет об искажении слова «Хлебное». Но добавим также, что «не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих», и искажение наименования может быть оправдано, ибо, поверьте, в «Хлебном» ли, в «Хвалебном» ли всегда выпекали опресноки.

Переходя на более прозаический язык, скажем, что «Хвалебное» в течение двух с лишком столетий служило местопребыванием семейства Резо. Это скопище построек, началом которого явилась, вероятно, пекарня, стало в конце концов неким подобием замка. От хаотичности, если не от претенциозности, его спасал фасад, в жертву которому была принесена разумность расположения внутренних помещений; словом, «Хвалебное» — характерный образец лжезамков, столь любезных сердцу старой буржуазии. Старинные семейства в наших местах страдают не меньше, чем женские монашеские общины, закоренелым пороком — и те и другие обожают строиться. Наши крестьяне, близкие родичи бретонских крестьян, ограничиваются тем, что прикупают землицы — если есть возможность, округляют свои поля. Самые богатые из них разве что позволяют себе построить прочный хлев из добротного камня, а камень — редкий у нас строительный материал, его доставляют из Беконской каменоломни, и перевозка обходится недешево. Но наши буржуа, по-видимому, чувствуют потребность нагородить побольше бесполезных ком-

нат — соответственно количеству гектаров земли, на которые распространяется их право взимать поборы и охотиться на дичь.

«Хвалебное!» Тридцать две комнаты, с полной обстановкой, не считая часовни, не считая двух благородных башенок, в которых скрыты отхожие места, не считая огромной теплицы, нелепо обращенной на север, благодаря чему в ней каждую зиму замерзают олеандры, не считая маленькой фермы садовника, прилегающей к усадьбе, не считая конюшен, впоследствии ставших гаражами, не считая различных служб и множества беседок в парке, посвященных каждая какому-нибудь святому, скрючившемуся в нише, — во время крестного хода в канун дня Вознесения перед ними служили молебны о ниспослании хорошего урожая... Я еще забыл упомянуть о двух-трех голубятнях, давно уже отвоеванных воробьями, о трех колодцах, давно уже обвалившихся, но сохранивших шиферную кровлю, о двух парадных мостах, перекинутых через жалкую струйку воды, именуемую рекой Омэ, вдобавок к этому несколько шатких мостиков и десятка три каменных и деревянных скамеек, разбросанных по парку, чтобы дать приют изысканной усталости хозяина поместья.

Эта забота о хозяйских седалищах была единственным реальным стремлением к комфорту в нашем «Хвалебном». Телефон, центральное отопление оставались сказочной мечтой! Даже самые обыкновенные, самые простые удобства, о которых извещали объявления в местной газете, были там совершенно неизвестны. Питьевую воду весьма сомнительного качества доставали из старого колодца глубиной

в сто метров, и бадью ставили на закраину, всю в жирных слизнях. Только в гостиной имелся паркет, да и тот уложенный прямо на землю, так что половицы приходилось менять каждые десять лет, остальные же комнаты были вымощены терракотовыми плитками — именно «вымощены», так как плитки даже и не подумали цементировать. А в кухне и того хуже: там полом служили большие плиты из сланца, добытого в Нуайан-ла-Гравуайер, кое-как скрепленные глиной. Печек мало, зато изобилие огромных каминов с чугунными подставками для дров. Добавьте к этому отжившие свой век проселочные дороги, усыпанные капустными кочерыжками, чисто местная, а следовательно, чисто крестьянская пища, — климат, весьма точно охарактеризованный старым девизом бывших сеньоров Соledo Кранского края: «Свети в водах, мое солнце!» — и вы согласитесь со мной, что наше «Хвалебное» было пригодно для жилья только летом, когда болота вокруг речки Омэ дымились на солнце, потом высыхали, покрывались корочкой, которая, растрескавшись, лежала широкими пластинами, и тогда по ним осторожно ступали легкими ножонками мальчишки, охотясь за яйцами славок.

Наша бабушка прекрасно это понимала и дважды в год, в точно определенный день, совершала переселение, не забывая захватить с собой пианино, швейную машинку и целую батарею медной кухонной утвари, имевшейся лишь в одном экземпляре. Однако позднее нам пришлось круглый год жить в Доме (с большой буквы) и довольствоваться им, как довольствовались местные небогатые помещики своими усадьбами, во всем похожими на нашу.

В те времена, к которым относится это повествование, то есть лет двадцать пять тому назад, наш край был куда более отсталым, чем теперь. Пожалуй, самым отсталым во всей Франции. Этот клочок глинистой земли, расположенный на рубеже трех провинций — Мен, Бретань и Анжу, — не отмечен крупными историческими событиями, кроме, может быть, тех, которые происходили в годы Революции, и, в сущности, не имеет определенного наименования. Называйте его как хотите: Анжуйский Бокаж, Сегрейский или Кранский край. Три департамента поделили эту бывшую марку, лежавшую между областями «большого» и «малого» соляного налога, отупевшую за долгие века неусыпного надзора и жестоких преследований. До сих пор сохранились зловещие названия: «Дорога соляной контрабанды», «Ферма кровавой соли», «Усадьба семи повешенных». Совсем не живописный край. Болотистые луга, поросшие осокой; дороги в ухабах, требующие повозок с огромными колесами; бесчисленные живые изгороди, превратившие поля в шахматную доску, где каждая клетка окружена щетиной колючего кустарника; старые кривые яблони, обвитые омелой; пустоши, заросшие дроком, а главное — тысяча и одно болото, порождающие мрачные легенды, водяных ужей и немолчных лягушек. Рай земной для бекасов, кроликов и сов.

Но отнюдь не райская обитель для людей! Хилый народ, классический тип «выродившегося галла», кривоногий, сильно подкошенный туберкулезом и раком; как встарь, приверженный к обвисшим усам и чепцам с голубыми лентами, к густой, как раствор цемента, похлебке, покорный церкви и по-

мещику, недоверчивый, как ворон, цепкий, как сорняк, падкий на сливянку и особенно на грушовку. Почти все они арендаторы, обрабатывают насиженные земли, которые переходят от отца к сыну. Крепостные в душе, они посылают в парламент с полдюжины виконтов-республиканцев, а в церковные школы — с полдюжины мальчишек, которые с годами становятся рабочими-испольщиками и бесплатными прислужниками.

Это обветшалое обрамление вполне соответствовало нашей былой славе, ныне всеми позабытой, подобно ночным колпакам. Узнайте же наконец, что я принадлежу к знаменитому роду Резо. Знаменитому, понятно, не в масштабе всей планеты, но, во всяком случае, за пределами департамента. На всем западе Франции наши визитные карточки (литографированные, если представлялась возможность) всегда лежат на медных подносах поверх других. Буржуазия нам завидует. Дворянство нас принимает, а иной раз даже выдает за отпрысков нашего рода своих дочерей, если только не покупает одну из девиц Резо. (По правде говоря, увлеченный остатками нашей подмоченной гордыни, я забыл поставить глаголы этой фразы в прошедшем времени.)

Исторические анекдоты наверняка не осведомят вас о том, что Клод Резо, вандейский капитан, первым ворвался в Пон-де-Се в дни кратковременного наступления «королевской и католической» армии. (С тех пор поют: «...католической и французской».) Имя Фердинана Резо, вначале состоявшего секретарем претендента на престол, а затем депутатом-кон-

серватором в парламенте «ихней» республики, вероятно, тоже не врезалось вам в память.

Но Рене Резо? Кто же не знает Рене Резо, низенького усатого человечка, размахивавшего шляпой в арьергарде Бурнизьена, Резо, чей талант так щедро проявлялся при раздаче наград в церковных школах департамента? Помните это и относитесь ко мне с уважением, ибо Рене Резо приходится мне двоюродным дедом. Возвращение к земле, возвращение Эльзаса, возвращение к феодальным замкам, возвращение к христианской вере — вечное возвращение на круги своя! Нет, вы, конечно, не забыли этой программы. Рене Резо, гордость и блеск нашего семейства, родился слишком поздно для того, чтобы вступить в ряды папских зуавов, а скончался слишком рано, чтобы стать свидетелем триумфа партии народно-республиканского движения, но его не мог выбить из седла ни один из лозунгов, выдвигавшихся в период между тремя войнами. Кавалер командорского креста св. Григория, подписывавший выгоднейшие договоры с издательствами, выпускавшими благочестивую литературу, сумел завоевать славу семейству Резо, завладев креслом члена Французской академии, где с удовольствием просидел около тридцати лет. Мне, разумеется, не нужно вам напоминать, что смерть поразила его в 1932 году, после долгой и изнурительной болезни мочевого пузыря, и что кончина эта, окружившая его ореолом мученичества, послужила поводом для бесконечного скорбного шествия почтенных, благомыслящих людей, дефилировавших мимо его гроба под каплями святой воды, падавшими с кропила, и брызгами слюны разгоряченных ораторов.

У этого героя был младший брат, и этот младший брат стал моим родным дедом, и мой дед, подобно всем людям, имел жену, и носила она евангельское имя Мария. Он наградил ее одиннадцатью чадами, но лишь восемь сумели пережить «христианское воспитание». Дедушка произвел на свет одиннадцать детей потому, что первые шесть младенцев были женского пола, из них четверем дочерям пришлось постричься в монахини (они избрали наилучшую долю), а ему требовался сын, дабы продлить в веках имя и фамильный, хоть и не дворянский, герб Резо. Итак, мой отец родился седьмым и наречен был при крещении именем апостола Иакова Младшего (того самого, день которого празднуется за компанию со св. Филиппом). И эта дурная компания несколько подмочила его репутацию¹. И мой достопочтенный дед после рождения долгожданного наследника решил не умирать, пока не сотворит со своей женой Марией, то есть с моей бабушкой, еще четверых детей, и, таким образом, он удостоился высокой чести преподнести в дар Господу Богу будущего каноника в лице Мишеля Резо, своего последыша и любимца, ныне ставшего папским протонотарием... *Аминь.*

Итак, по воле случая, всемогущего случая, по прихоти которого один родился принцем королевской крови, а другой — земляным червем, и по милости которого какому-нибудь удачнику выпадет выигрыш из двух миллиардов билетов социальной лотереи, по

¹ Намек на Филиппа Петена, главу коллаборационистского правительства в период фашистской оккупации.

воле этого случая я родился в семействе Резо на последней отдаленной ветви истощенного генеалогического древа, бесплодной смоковницы, посаженной в оскудевших кущах христианской веры. По воле случая у меня оказалась мать...

Но не будем забегать вперед. Знайте только, что в 1913 году мой отец, Жак Резо, доктор права, преподаватель Католического университета (должность неприбыльная, как и следовало ожидать), женился на очень богатой мадемуазель Поль Плювиньек, внучке банкира Плювиньека, дочери сенатора Плювиньека, сестре лейтенанта Плювиньека, офицера кирасирского полка, павшего на поле брани (что увеличило ее надежды на наследство). У нее было триста тысяч франков приданого. Триста тысяч франков золотом! Она воспитывалась в пансионе города Ванн, проводя там даже каникулы, и, как только окончила курс наук, родители, слишком занятые светской жизнью и политической деятельностью, не желая заниматься этой скрытной девочкой, выдали ее за первого попавшегося жениха. Ничего больше я не знаю о ее молодости, которая ничуть не оправдывает нашу молодость. Отец мой любил подругу юности, молоденькую протестантку, но академик Рене Резо бдел, и отец женился на большом приданом, которое позволило ему жить по-княжески до того дня, когда господин Пуанкаре произвел девальвацию. От этого супружеского союза, ставшего для Резо необходимым ввиду их бедности, родились один за другим три сына: Фердинан, которого называйте Фреди или Рохля, Жан, то есть я сам — меня именуйте как угодно, но если кто посмеет воскресить мое прозвище Хватай-Глотай, тот получит по морде; наконец,

Марсель по кличке Кропелт. За сим, как мне говорили, последовало несколько выкидышей, я думаю об этих недоношенных Резо с некоторой завистью, ибо им посчастливилось остаться в стадии зародышей.

В лето от Рождества Христова 1922-е, когда я задушил гадюку, нас с Фреды доверили попечению нашей бабушки. «Доверили» — тут скорее эвфемизм. Энергичное вмешательство старухи бабушки, которую нам не разрешалось называть «бабуся», хотя сердце ее было достойно этого плебейского ласково-уменьшительного имени, спасло нас от мучений, оставшихся для нас неизвестными, но, несомненно, жестоких. Я представляю себе бутылочки с молоком, разбавленным грязной водой, созревшие мокрые тюфячки и истошные вопли младенцев, которых никто не укачивает... Ничего в точности я не знаю. Но у молодой матери не отнимают детей без серьезных оснований.

Наш младший брат Марсель не входил в число питомцев бабушки. Он родился в китайском городе Шанхае, куда мсье Резо по его ходатайству назначили профессором международного права в Католическом университете общества «Аврора».

В разлуке с родителями мы познали недолгое счастье, иногда нарушаемое карами в виде лишения сладкого, шлепков и приобщением к суровым мистическим порывам.

Да, должен откровенно признаться, что с четырехлетнего до восьмилетнего возраста я был святым. Нельзя безнаказанно жить в преддверии неба, в обществе чахоточного аббата, освобожденного по состоянию здоровья от обязанностей священно-

служителя, в соседстве с писателем, понаторевшим в душеспасительных сочинениях, и бабушки, старухи, умилительно строгой по части Священного писания, да еще целой кучи кузенов и тетушек, более или менее причастных к какому-нибудь монашескому ордену, ничего не смыслящих в математике, но чрезвычайно сведущих в двойной бухгалтерии отпущения грехов (откроем кредит душам, пребывающим в чистилище, дабы сии вновь избранные занесли моления наши в свой дебет и заплатили нам предстательством за нас перед богом).

Я был святым! Мне крепко запомнилась некая тесемочка... Что ж, я не побоюсь выставить себя в смешном виде. Надо же вам вдохнуть благоухание моей святости, которой, однако, мне не довелось сохранить до гробовой доски.

Этой тесемочкой была перевязана коробка шоколада. Шоколад, надо полагать, не был отравлен, хотя его прислала мадам Плювинок — кажется, следовало сказать «бабушка», — все еще красивая дама, супруга сенатора из Морбиана. Шоколад посылался по этикету родственных чувств трижды в год: на Новый год, на Пасху и каждому из нас на именины. Мне разрешалось съесть по две шоколадки в день — одну утром, другую вечером, и предварительно полагалось перекреститься.

Не помню в точности, какое я совершил прегрешение: может быть, съел лишнюю конфетку, воспользовавшись рассеянностью мадемуазель Эрнестины, а возможно, в спешке перекрестился небрежно — помахал рукой, словно отгоняя мух, за что меня всегда с негодованием распекали:

— Это ведь не крестное знамение, а кривляние, Хватай-Глотай!..

...Не помню точно, помню лишь, какое меня охватило раскаяние и сокрушение. И вечером, у себя в спальне («Хвалебное» было столь обширно, что у каждого из детей с самого нежного возраста была своя спальня. Это полезно во многих отношениях. И потом, это приучает малышей не бояться темноты)... так вот, вечером в спальне я решил, что должен действовать в полном согласии с Иоанном Крестителем (святой, именем ко-его меня нарекли, состоял моим ангелом-хранителем и до некоторой степени слугой, как и подобает ангелу-хранителю юного отпрыска семейства Резо, которому не пристало одному нести малое бремя своих грехов)... Итак, вечером, в своей спальне, я решил наложить на себя епитимью. Тесемочка от коробки шоколада «Маркиза», плоская и довольно жесткая тесемочка, вдохновила меня на муки, несомненно, удобные Господу Богу. Я препоясался ею и затянул так туго, что мне стало действительно больно. Я стягивал ее так же, как стискивал гадюку: сперва весьма решительно, затем, минуты через три, с меньшим энтузиазмом, а в конце концов с сожалением. Я никогда не был неженкой: меня просто не научили им быть. Но есть предел терпению ребенка, и он не очень велик, в особенности когда за плечами у него только шестилетний опыт страданий. Я перестал стягивать тесемочку под тем предлогом, что она может лопнуть. Нельзя же было свести на нет свою жертву.

А главное, не следовало уничтожать ее следов — ведь утром мадемуазель Эрнестина, несомненно, придет меня будить, приговаривая, как каждую субботу:

— Ну скорей, скорей вставайте, лентяй!.. Возблагодарим Господа, ниспославшего нам еще один день, дабы мы послужили Всевышнему... Пора менять белье. «Во имя Отца и Сына...» Постарайтесь рубашку не пачкать, в клозете ведите себя поаккуратнее. «Отче наш, иже еси на небеси...»

Достославная суббота! Мадемуазель Эрнестина сразу заметит тесемочку. Я заснул, не подозревая, что в простоте душевной совершил тяжкий грех, впад в сатанинскую гордыню.

Но на следующее утро мадемуазель Эрнестина об этом даже не догадалась.

— Ах, — воскликнула она, — какой несносный мальчишка!

Затем, спохватившись, посмотрела на меня с некоторым уважением и добавила:

— Жан, Господь Бог не позволяет человеку шутить со своим здоровьем. Я обязана немедленно обо всем доложить вашей бабушке.

Я упивался ее словами, но, разумеется, разыгрывал целомудренное отчаяние поруганной души. Пять минут спустя бабушка в старинной шали с бахромой, накинутой на капот, склонилась надо мной, осыпая меня упреками. Но тон ее совсем не был строгим, да и взгляд светился боязливой гордостью. Своими длинными тонкими пальцами детской романистки (ведь она тоже писала нравоучительные романы) бабушка с нежностью провела по красной полоске — этому красноречивому стигмату моего мученичества, все еще опоясывающему меня.

— Обещай, миленький Жан, что не будешь больше подвергать себя истязаниям, не сказавшись мне.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Базен Эрве

ЗМЕЯ В КУЛАКЕ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *А. Демочкина*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *П. Шевнина, О. Ануфриева*
Верстка *Ю. Фролкина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.01.2026.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Spectral».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 3000 экз. Т-АНФ-40495-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ruazbooka.ru; www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

